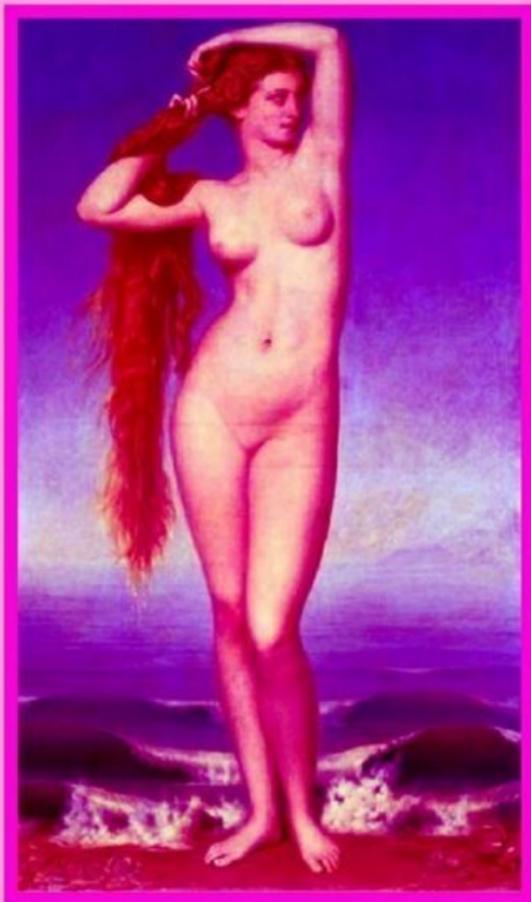

ИГОРЬ СОКОЛОВ

ФЕЯ

Игорь Павлович Соколов

Фея

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11008730

ISBN 9785447413422

Аннотация

В сборник прозы писателя Игоря Соколова вошли повесть «Фея» и рассказы разных лет. Основной сюжет – любовь мужчины и женщины, их глубоко интимные отношения, построенные на правде и на лжи, и постоянная борьба, противоборство воедино слитых в них начал. И сюжеты рассказов – от смешных до самых трагических – являют собой все многообразие человеческой любви.

Содержание

Фея

5

Конец ознакомительного фрагмента.

26

Фея

Игорь Соколов

© Игорь Соколов, 2015

© Игорь Павлович Соколов, дизайн обложки, 2015

© Эжен Эммануэль Пине, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Фея

повесть

*Поэтому, как одним человеком грех
вошел в мир, и грехом смерть,
так смерть перешла во всех людей
потому что в нем все согрешили*
Послание Ап. Павла к Римлянам. 5—12

Всегда я чувствовал в жизни невидимую черту и всегда знал, что мне не дано ее переступить, если только со смертью, быть может, переступлю ее и увижу свое Бессмертие.

Люди?! Что я о них могу сказать?! Люди всегда были злы и порочны! А если в них была какая-то доброта, наивность, то это всего лишь капли, не говоря уже о том, что эти капли надо было уметь собрать чтобы получилось хоть какое-то счастье.

Начну с того, что я ни во что не верил, жил весьма посредственной и однообразной жизнью. И еще мои родители очень страдали из-за меня и поэтому приложили все силы, чтобы я поступил хоть в какой-то университет. Все, кто поступил в него, были по-своему счастливы, ибо им казалось, что они сразу же поумнели и стали даже ощущать какое-то превосходство над остальными, но все было пустое. Я видел и чувствовал это благодаря метафизике, науке поглощения

всей безумной Вселенной.

Я был фанатом, я никого не любил, если только своих родителей, и то была чисто младенческая любовь. Я с детства любил сидеть взаперти и предаться самым различным мечтам, может, поэтому у меня не было друзей. И я никому не доверял, поскольку в реальности мое воображение мертвело, а люди, – они все только опошляли! Они не умели любить друг друга, и поэтому лицемерили.

Также мои родители, которым было в общем-то наплевать на меня, лишь бы только я получил высшее, а посему необходимое образование! Кроме этого, они устали скрывать от меня свои естественные желания, мать устала оправдываться передо мной за свои поздние возвращения домой после любовных демаршей, отец устал напиваться тайком от меня и прятать свое горькое разочарование в этой жизни. Правда, очень часто они сидели тихо у телевизора и наслаждались тем, что забывали друг о друге, как и обо мне.

Временами мне казалось, что наша тусклая жизнь уже заранее была предопределена не Богом, а дьяволом.

Недаром же во все времена люди так боялись собственного небытия, что готовы были поверить в любого доброго и всепрощающего Бога. Впрочем, по настоящему они даже не верили, а только притворялись. Мать стала креститься перед сном лишь после того, как отец подарил ей большой крест с цепочкой.

Он любил делать нам с матерью неожиданно дорогие по-

дарки, особенно после своих пьяных терзаний, когда он бежал за матерью по квартире в одних трусах, переворачивал и колотил всю подряд мебель и кричал ей о том, что он уже третий раз видел ее в обнимку с другим мужчиной. Вообще, мне очень было грустно осознавать, что я сын пусть и состоятельно, но алкоголика и, увы, всегда безработной шлюхи. Однако родителей не выбирают! Это они сделали меня, и уже за одно это я им очень благодарен.

Моя учеба скорее напоминала собою послушание, все остальное, включая контрольные, семинары и сдачу экзаменов я воспринимал как детскую игру.

Из-за отсутствия друзей я тренировал память и любовался собственным разумом, хотя на самом деле я восхищался всего лишь чужим опытом, который по душевной простоте просто брал себе на веру. Увы, это потом до меня дошло, что все знания горят как спички на ветру, а настоящее бродит по неизреченно-огромному кругу тайной, а все люди – скоты и поэтому никак не могут из своей жизни сотворить хоть какое-то чудо!

И все-таки с тех пор, как я ударился об религию, как запнулся о философию и провалился в метафизику, с тех пор, как моя мысль стала создавать из всех религий и человеческих постижений стройную систему, я уже едва мог оставаться один и сходить просто так с ума, с помощью того же несчастного Гераклита, чьи фразы я штудировал ночами, и вдруг наткнулся на «многознание уму не научает», я

вдруг почувствовал себя таким одиноким, что даже расплакался.

Мои родители сняли по своей доброте для меня отдельную квартиру в старом трехэтажном доме на окраине этого города, чтобы другие студенты не спаивали и не совращали меня, а сами со спокойной совестью отбыли домой. А я остался надувать себя мыльными книгами, которые все чаще заменяли мен людей. Кстати, в Древней Греции руководства по риторике так и назывались надувательствами.

«Эй, прохожий, я – Гераклит, единственный, кто нашел мудрость, – Пусть так, но любовь к родине поважнее мудрости. Попирая даже родителей, я лаял на безмозглых людей. Хороша благодарность вскормившим тебя!»

– Да, нужна ли к черту эта мудрость, если я беседую только с мертвыми через их же книги!

К черту все книги, мой мозг устал от метафизики, он слишком быстро оброс туманом недоказанных фактов, где всякие сволочи расщепляли себя на атомы, где иные гадины сидели тихо взаперти и строчили день и ночь о сверхъестественном, чтобы еще больше запутать себя и всех остальных в надуманной глупости! И целые века, эпохи они все тлели и тлели себе, как будто во благо страдающего человечества.

А это человечество как жило, так и живет по-скотски. Конечно, иногда от скуки, иной раз представишь себя каким-нибудь гениальным метафизиком!

Ага, вот они эти самые потусторонние силы! Они хитры

и невидимы! Никто их не поймал, а я поймаю! Как задумаюсь, так сразу и перестрою все человечество на миллиарды лет вперед! Самое главное – понять, что ты не обезьяна!

Письма от родителей приходили весьма редко, хотя я их тоже не очень баловал смыслом.

Писать, вроде, было не о чем, поэтому и получались скучные – однотипные фразы – все хорошо, нормально, погода опять плохая, опять дожди, но все остальное ничего! Дождь действительно стал занимать большое место в моей усталой жизни. Его холодные капли вели отсчет моим предосудительным опытам.

Прошлое – это будущее, я – это Бог, истина – это ложь, свет – это тьма. И все, меня! – можно закрыть руками и лечь на диван, и еще где-то глубоко внутри подслушивать себя. От одиночества я завел кота. Словно в насмешку над великим философом я назвал кота Аристотелем. Как ни странно, но я на самом деле в глубине души смеялся над Аристотелем!

Ведь это он сказал, что душа не может отделиться от тела! Это он придумывал якобы необходимую человечеству логику со своим знаменитым силлогизмом: «Все люди смертны. Кай – человек, Кай – бессмертен».

Только по логике я получал одни тройки. Она была мне противна, как жевание одного и того же смысла во имя бессмыслия! И еще я думал о том, что если этот великой мог сказать, что женщина – это увечный от природы, изуродо-

ванный мужчина! – то его знания, конечно же, опирались на очень суровые доказательства!

Другое дело, мой кот Аристотель. Уж этому созданию не нужна никакая логика и никакие доказательства; ему надо только мясо, молоко и мягкий диван, на котором он сладко спал со мной и блажено мурлыкал, когда я чесал ему за ухом.

Как-то вечером, проходя мимо мусорных баков во дворе нашего дома, я вдруг увидел пьяного Темдерякова, который замахивался на кота палкой. Черный, с белой грудкой кот отчаянно шипел, сверкая глазами, но не двигался с места.

– Ишь, ты, бестия какая! – засмеялся Темдеряков и снова замахнулся палкой для удара, но я его остановил.

Я перехватил его палку руками сзади и потянул на себя.

От неожиданности пьяный Темдеряков пошатнулся и упал в лужу, а я подхватил кота и быстрым шагом удалился к себе.

Я услышал пьяную ругань Темдерякова даже из своей квартиры, когда же я заглянул в окно, то с удивлением обнаружил, что Темдерякова поднимает из лужи и уводит домой красивая девушка с золотой косой.

Тогда я еще не знал, что это его жена. Это было мое первое знакомств с Темдеряковым, его женой и Аристотелем. Тогда, стгорая от любопытства и чувствуя какую-то странную вину перед этой девушкой, я бросился вниз помогать ей вести еле идущего Темдерякова.

Я встретил их уже на лестнице первого этажа и предложил

свою помощь.

Темдеряков бессмысленно заморгал глазами, что-то бормоча себе под нос, она же покраснела и, опустив вниз голову, продолжала свой нелегкий путь, так и оставив меня без ответа. И тут я понял, что ей стыдно, потому что она его жена. Всю ночь я как дурачок проплакал, а утром побежал на лекции.

Утром на лекциях профессора Цнабеля я почувствовал себя еще хуже. Впрочем, этот милый старикан немного развеял мои мучительные воспоминания о сказочной Фее.

В недалеком прошлом Цнабель был ярым атеистом и благодаря своим безбожным диссертациям очень быстро стал профессором, но впоследствии, когда все «ужасно изменилось» (фраза Цнабеля), он тоже переменял свои взгляды.

Теперь Цнабель с такой же неукротимой энергией пытался описать «вполне достоверный облик Господа Бога» (фраза Цнабеля). Если бы вы сами видели, с каким сумасшедшим восторгом профессор доказывал нам тождество Бога и Человека, того самого слона и мухи, у которых даже зародыши похожи на однойцовых близнецов. А одинаковость срамных частей, видите ли, лишний раз только подчеркивает это тождество.

Возьмите, к примеру, древнегреческую мифологию! Почему у большинства богов эта часть прикрыта фиговым листочком?! Да потому что она такая же, как и у нас.

Цнабель простодушно радовался собственной догадке

и смеялся, как ребенок. По мнению некоторых студентов, он начал впадать в старческий маразм, что, однако, не лишало его лекции определенного смысла. Даже сумасшедшие имеют разум, как говорил дед Монтень. Да уж, если бы я увидел половой орган у самого Господа Бога, то я бы точно сошел с ума, хотя Цнабель утверждает, что он есть, что это уже научно доказанный факт! Только наш Бог однополюй, как амеба, в силу своей первоначальности.

Поэтому и в людях встречаются гермафродиты, а у женщин есть этот самый клитор – напоминание о «Вечно однополом», и в то же время раздвоенном существе, хотя в христианстве их трое – Отец и Сын, да Святой Дух. Мужчина – Отец, женщина – сын, а Дух Святой – гермафродит, он, так сказать, соединяет нас с землей Ханаанской.

– А почему Бог все-таки невидим? – долетает до Цнабеля вопрос с задних рядов.

– Ага, – заулыбался Цнабель, чувствуя, что ему еще не один раз придется доказывать свое умственное превосходство.

– Почему этот самый Бог существует в виде очень конкретной тайны для нас? Вы хотели услышать именно это?!

– Видите ли, говоря об этом прямо или косвенно и, кстати, говоря об этом постоянно серьезно и таким образом подходя к определенному выводу, который может рассматриваться нами не иначе как истина, хотя с академической точки зрения всякая истина относительна, то можно сказать следу-

ющее: все живое имеет привычку скрываться из-за разнообразных жизненных суровостей...

К примеру, хорьки прячутся от холода в норы, совы в дупла, тараканы забиваются в щели, а человек скрывается у себя дома! У него все время то жара, то холод, поэтому выход один – прятаться!

– А где он прячется?! – хихикает кто-то за моей спиной.

– Бог прячется везде! – серьезно отвечает Цнабель, почесывая свою профессорскую лысину.

Звенит звонок, и я опять свободен. После занятий я долгое время брожу по городу один... осень своим помрачным небом быстро заставляет грустить... листья как старые письма шуршат одним исчезновением.

И только лица встречаемых мною девушек навевают какую-то тихую радость о еще возможном счастье в жизни. Неожиданно у винного ларька я вижу Темдерякова, который подзывает меня как своего старого знакомого.

– Выпить хочешь? – предлагает он, но я отрицательно качаю головой.

Тогда он смеется и выпивает здесь же, один, прямо из горлышка.

– Видел мою жену?! – красивая у меня жена, правда?! – ухмыльнулся он, уже неуверенно вышагивая со мной по тротуару. – И такая заботливая, где я упаду, там же меня и подберет!

Смех Темдерякова как жуткая музыка входит в мои неве-

сельные мысли, и я грустно вздыхаю. Темдеряков замечает это и смеется еще громче!

Я словно Бог Цнабеля приспособляюсь к экстремальным условиям, и вместо меня с Темдеряковым идет моя тень.

Сам я в далекой туманной стране, вместе с моей волшебной Феей собираю цветы на поляне и ко всякому таинству льну... Еще...

Мы прикасаемся друг к другу и становимся одним существом. Мы летаем друг в друге как птицы. Мы сильнее и невидимей любого разлагающегося маразма на нашей земле. Любовь – это всегда тайна и мука, хотя бы потому, что с этой тайной надо просто умереть.

– Ее зовут Таня, – слышу я пьяный шепот Темдерякова, – ох и жалостливая она у меня! И сколько я ее бил! Другая давно бы сбежала, а эта терпит, как монашка, и в углу иконки ее. И каждый вечер все плачет и молится! Как безумная!

Родители-то у нее верующие были, да рано померли чего-то! Может, род у них какой-то проклятый! Вроде и не грешники, а все помирают чего-то?!

Постепенно Темдеряков начинает запутываться в собственных мыслях. Он полностью замыкается на ранней смерти ее родителей и повторяет одни и те же фразы. Его лицо растягивается, как у резиновой куклы, выражая собой одно бессмысленное удивление этим непознанным миром. Он хватает меня за руки и начинает лихорадочно трясти, словно пытаюсь вытряхнуть разгадку своей непонятной и злой

до безумия судьбы.

– Ну, скажи, скажи, – шепчет в нетерпении, обливаясь потом.

Но я молчу, понимая, что это бред, бред пьяного Темдерякова, бред пьяного и больного человека, которого я страшно презираю и ненавижу. Временами я даже хочу вцепиться ему в горло и задушить его. Я уже ощущаю радостную и волнительную истому убийцы во всех своих членах. Я уже вижу во всех подробностях и деталях его коченеющее тело. Но в реальности я молчу и загадочно улыбаюсь. Просто я заранее предвижу, что может случиться со смыслом, в который одета для меня моя тоскливая жизнь. Он может просто исчезнуть и раздеть меня... И все будут проходить мимо и плевать мне в лицо. И это будет считаться чем-то вроде закона и наказания.

Я довожу Темдерякова до дверей его квартиры и вместо него нажимаю на звонок, сам он еле стоит, опираясь на меня. Дверь открывает она, моя сказочная Фея.

Видя меня, она смущается и неловко перехватывает качающееся, как маятник, тело Темдерякова. Я стою и жду от нее каких-то слов, но она молча захлопывает дверь, и я чувствую, как она там стыдливо плачет за дверью, укладывая своего пьяного мужа.

Потом я с грустью опускаюсь к себе. Впереди у меня бесконечная ночь со своей распахнутой Вселенной.

Я буду лежать на диване и мысленно баюкать плачущую

Фею. Еще я буду смотреть в окно на звезды и буду читать свою судьбу по их горящим созданиям. Их лучи как связанные между собой буквы будут лихорадочно соединяться в один и тот же смысл, в образ моей, и увы, еще такой чужой и далекой Феи.

Всякая судьба начинается с кровотокающего лона. Внутри его темно и глухо, как во время зимней спячки.

Одно только подсознание бродит по закоулкам своей Памяти, а Память все вращается, как белка в колесе... И все! И ничего здесь не задержится, все исчезнет, двигаясь по невидимому краю Бытия. А там гул обворожительно-го Бессмертия...

И только здесь еще один я еще остаюсь среди ночи... один на один с туманным пятном, словно с Богом на черной стене... Беседовать и претворять в жизнь безумные сны. Аристотель забирается ко мне под одеяло и яростно мурлычет, впиваясь в мои ладони когтями, словно чувствуя тревожно бьющееся рядом с ним сердце. Тихо... Часы уже давно остановились, а мысли словно и начинали двигаться.

Родители висят в позолоченной раме, словно умершие. Их лица в темноте молчат. Все тихо и спокойно... Ровное кошачье дыхание только подчеркивает глубину моего отчаянного падения в Космос... Где души с тоскою ищут свои брошенные тела, где люди роняют в упоении свои сладостные слезы вездешного блаженства...

Где Вера вместе с Богом и утешением, и с воспоминанием

быстро сливаются во мне, и я засыпаю как ребенок, радостно нащупав во сне кошачью спину, я вожу по ней словно по телу моей таинственной Феи рукой и засыпаю...

Сон волнами обступает мою Душу и падает вместе с ней в пучины мирового пространства... Сверкающие огни, музыка и множество возбужденных людей слушают, как я пою им ангельские песни... Какая-то детская блажь обделенного сочувствием поэта...

Так вся ночь проходит как наваждение, хотя ночь проходит, а наваждение в образе Феи остается... Четыре ангела в белом ее по небу несут... Архангел Гавриил трубит свою печальную рапсодию...

Утро приходит ко мне с осознанием собственного несчастья. Я вдруг чувствую, что жизнь нелепа, что иному человеку даже проживать ее не стоит, хотя бы потому, что ничего не изменится даже в этой крохотной, в этой ничтожной и уже навсегда исчезающей жизни.

Только один Аристотель смешно зевает и царапает меня, приглашая к нормальной, без всяких лишних страданий жизни. Я встаю с постели и с какой-то непонятной мне самому радостью кормлю ненасытного Аристотеля.

О, молодость! – как мы иногда ненавидим и презираем себя за свой возраст, за отсутствие какого-либо опыта, а самое главное – незнание жизни! Это только с годами мы привыкаем ко всякой гадости, врывающейся в наше и без того неудачное существование.

Это с годами мы портимся и лицемерим. Мы привыкаем обманывать себя своею же неудовлетворенностью, как будто эта неудовлетворенность, а с нею исступленность что-то могут переменить. Нет, скорее всего можно только больше отчаяться в том, что вроде никогда не бывает на белом свете.

Хотя бы той же самой любви. Ну и увидел я женщину, и назвал ее Феей, и полюбил в своей душе, но что, разве от этого я стал счастливее или она со своим алкоголиком-мужем? Нет, в этой жизни что-то не так. Что-то не продумано! Цнабель говорит, что эта непродуманность идет от Смерти. Мы слишком отягощены ее ожиданием и поэтому живем, как попало. Кому как понравится, а чаще всего приснится.

Веди жизнь – это иллюзия – иллюзия заполненных карманов. Человек как животное довольствуется тем, что имеет в данный момент. Только момент проходит, а человек вдруг осознает, что он в общем-то и ничего не имеет, и вряд ли когда-то имел и будет иметь. Это как в детской игре «испорченный телефон» царит один убийственный абсурд. Я люблю Фею, но она живет с человеком, который не любит ее. Кто создал этот брак, это странное присвоение чужих душ и мыслей? Кто-то сказал: женщина в любви либо рабыня, либо деспот! А если Фея по рабски пресмыкается перед этим жалким подобием человека, то не означает ли это, что она любит его, а если не так, то что тогда?!

Неужели, она уверена в том, что жизнь ее уже прошла, и она ничего в ней для себя не найдет?! Или она так боит-

ся его, что живет тихо, как монашенка взаперти... А поэтому плачет и молится?! И так, наверное, происходит всегда, когда человек теряет самое дорогое – свою свободу, своих близких.

Он живет некоторое время как сомнамбула. Он как во сне бродит между живущих тенью. Он не хочет помнить себя, и его влечет одна только Бездна...

Тайна без слов и без смысла своего существования, когда над Душою, как над огнем, простираются в небо одни лишь инстинкты. Я бы еще многое мог сказать сам себе, но мне некогда, я кормлю Аристотеля, пью возбуждающий мой разум кофе и убегаю в университет, или. Как ласково его все называют, школу учиться неизвестно чему... и унижаться.

Да, да, унижает меня, она как бы подчеркивает, что я, вчерашний школьник, все еще продолжаю оставаться таковым. Мне не хватает мужества, и я употребляю все силы, чтобы казаться немножечко старей.

Мне кажется, что это как-то может приблизить ко мне Фею. В то же время моя учеба, мой возраст и узкий круг знакомых крепко замуровывают меня в продолжающееся детство.

Я получаю достаточно денег от своего отца и вообще могу особо не задумываться ни о каких проблемах. Вместе с тем я толст, ленив и надуманно печален. Страдая от непознанной мной жизни, я тщетно пытаюсь развернуть ее перед собой в стихах, но у меня ничего не получается, кроме своей же

естественной глупости.

Благодаря ей я скрупулезно рифмую бесполезные терзания и все чаще разглядываю себя в зеркале. При этом я понимаю, что во мне что-то не так, что мне давно уже пора выйти из этой снятой моими родителями квартиры вперед к неизвестному месту... и, сразу постарев на много лет, ощутить себя хоть немного собой. Однако я все продолжаю писать эти странные и непонятные, как жизнь, стихи.

Сейчас, спустя уже множество лет, я мог бы привести в пример одно из этих стихотворений, но именно сейчас это было бы так же напрасно и бессмысленно, как прежде было стыдно... вместе с тем я могу привести отдельные, наиболее часто встречающиеся в моих, как, впрочем, и в некоторых чужих стихах, слова.

Например, слово «тоска» (иногда «мучение», «хандра» и т. п.) выражает собой состояние молодого человека, который хочет иметь женщину, но в силу разных обстоятельств не имеет ее. Хотя опять-таки может ее иметь! Далее, слово «мечта» (иногда «идеал», «желание» и т. п.), не что иное, как связь больного воображения поэта с женским началом, с поиском этого начала во всех попадающихся на глаза женщинах.

Однако, Фея?! – Она все-таки была, и не во сне, а в реальности... И я действительно мечтал о ней... я писал не стихи, а желания, которые я о своего же лицемерного бессилия воплощал в один связующий образ обволакивающих меня

слов. Я как сумасшедший говорил сам с собою и бессмысленно заносил свое невнятное бормотание в тетрадь... Фея, свет, голубка, притяжение...

И опять волны необъяснимой страсти с вожделением. Даже во время учебы можно забытья и ничего не видеть вокруг... Однако я хочу постареть... Ведь моя Фея старше меня на три года. Конечно, три года – это не Бог вещь что, но ведь ее муж, ее алкоголик Темдеряков старше меня почти на 10 лет!

А это уже слишком! И пусть я при случае вдруг смогу набить ему морду, но разве это что-то изменит?! Разве я стану от этого старше или всемогущественней по сравнению с этими людьми? Ну, пусть Темдеряков пьет, но он работает, и у него есть свой кусок хлеба, свой заработок, и по какому-то праву он может просто ткнуть мне в лицо как малозначительному, неясному, но осязаемому щенку, который все еще прячется и повисает на шее у своих родителей!

Вот так и появляются эти дурацкие комплексы той самой неполноценности, из-за которой многие люди или плохо кончают, или сходят с ума. Один мой сокурсник от этого даже записался в баптисты, а потом был вынужден бросить университет, ибо его духовный отец или наставник, в общем, какой-то там гуру, запретил ему становиться умней, чем он есть. И теперь этот мой бывший сокурсник ходит с огромным крестом и громкоговорителем по улицам, читая молитвы, и зовет всех в Божье царство.

Меня же он почти не замечает, или старается не замечать – даже не знаешь, что и подумать. В общем, был человек и пропал, растворился в какой-то идее.

Так вот и я стал отчаянно думать и сопротивляться собственной наивности и молодости, как будто это было не благом для меня, а непосильным ярмом. Вот как я захотел одряхлеть, даже самому не верится! И стал я тогда «духовно» побираться, т. е. общаться со всеми подряд, и узнавать, как этот самый опыт вместе со старостью наступает, поскольку теперь только через это надумал заполучить свою Фею!

И был среди нас один очень старый студент, такой старый, что его даже в студенты не хотели принимать, но он все же схитрил и отнял у себя одну, другую парочку лет, и звали его Федей, только он не любил, когда его так звали, и он всем говорил: «Зовите меня просто Федором Аристарховичем», – но его все звали Федькой, и он в конце концов смирился с этим, но свое умственное старческое превосходство все равно при случае подчеркивал, и вот я и обратился к нему за советом, и он мне его дал, после того, конечно, как я сводил его в самый дорогой ресторан...

И вот он напился, как свинья, потом схватил меня за шиворот и шепнул мне на ухо: «Тебе бы, сопляку, в каких-нибудь экстремальных условиях поработать надо!»

– Это как? – удивился я.

– Ну, сторожем в морге или санитаром на «скорой помощи», одним словом, чужую смерть повидать надо! Вот тогда

ты и состаришься враз! А сейчас ты так, говно на палочке!

Помню, слезы выступили у меня тогда на глазах, и в морду ему хотел дать. И даже чего-то еще такое натворить, чтоб и самому тошно стало, да сдержался, а его совет, как ни странно, на веру себе так и принял, что сразу решил во что бы то ни стало пойти работать санитаром на «скорую помощь». Ибо спасать живых более благородно, чем глядеть на мертвых, хотя потом и на мертвых поглядеть пришлось изрядно.

Когда человек верит во что-то, он действительно становится таким, как ему подсказывает его собственная вера. Не хочу лгать, но работа на скорой была для меня и адом, и раем одновременно, ибо любая тварь корчится в собственном теле и любой твари от любой нелепой случайности позволено покинуть этот мир, как, впрочем, и воскреснуть, т. е. вернуться обратно в свое прежнее состояние, а мне, простому смертному, довелось множество раз наблюдать отходняк, и всякий раз думалось мне, что сейчас, вот-вот что-то этот умирающий и скажет очень важное, напоследок, и выразит перед смертью что-то такое, что, может быть, он всю свою жизнь добивался сказать, ан, нет, никто ничего так и не сказал и умер просто так, как какую-нибудь обычную гадость совершил, и выходило по натуре, что мы все такие ничтожные и такие несчастные твари, даже самому порой страшно становилось.

И пусть я не знал никогда этих людей, уж перед смер-

тью-то не смущаются, – ее или боятся, или со спокойной улыбкой принимают, или, на худой конец, так боль в себе пересиливают, что ни до чего им, грешным, и дела никакого нет. А вместе с тем, увидел я и воочию убедился, что все эти болезни и заразы всякие из души берутся, из пустоты ее темной и бездеятельной, когда у человека уже совсем руки опускаются, и он сам не живет, а доживает по инерции или по еще какой-то необъяснимой оплошности, но так или иначе, а все они сами себя боятся и что-то лишнее наговаривают, а потом и муки их душевные в телесные перерождаются, а что до болезней, так у них своя природа имеется, более простая и научная, где уже все понимание на костях и на мышцах держится!

Ну, а что касается тайны, то абсолютное большинство ее просто игнорирует, нарочито и заумственно вздыхая над всякими детскими и божьими сказками, иногда даже и совсем позабывая, что их личная жизнь, в сущности, и есть еще одна, чудом рожденная сказка. Отсюда и Дух Святой, и непорочное зачатие Марии, и хождение Иисуса по воде, и многое другое, отчего глупому человеку очень смешно становится в то время, как умные плачут. Недаром же Соломон сказал, что от слишком большой мудрости слишком много печали?!

Я устроился на «скорую» в конце сентября. Главный врач Лазарь Соломонович, кстати, очень умный и хитрый еврей, довольно быстро, но все-таки пристально взглянул на меня, выслушал мою просьбу, и тут же кивнув головою, бросил

только одно слово: «Подходишь!»

Этой фразы, заключенной в одном всего слове, было достаточно, чтобы обрадовать меня на долгое время. Никто еще не оценивал меня так просто и так по-человечески! Это уже потом, в процессе работы я ощутил, что мгновение может стоить жизни, а посему мне мои новые коллеги в своем большинстве казались порой в критических ситуациях слишком холодными и равнодушными, в то время как ими на самом деле владела чувственная машинальность, и они делали все, чтобы спасти человека. Я не хочу их всех идеализировать, но по себе знаю, что огромное нежелание видеть чужую смерть двигало нами иногда до абсурда. Помню холодную полночь, когда врач, фельдшер и я – санитар выехали по вызову на самоубийство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.